ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 37 (206) 17 АВГУСТА 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 страница

ПЕРЕДОВАЯ.
Анри Барбюс.—Борьба за мир в защиту СССР.

2 страница

Е. Усиевич.—Нужен ли нам мелкобуржуазный романтизм.
Трибуна писателя:
Виктор Шклонский.—Сюжет и образ
Конст. Бельчиков.—О сове, который вопреки поговорке, всегда нужно выносить из избы.

3 страница

Книжное обозрение: Э. Габриловичу, Лашко, Дуфренне, Мунке и Острогорском.

4 страница

С. Ромов.—О картине худ. М. Черемных.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: З. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Гридина, А. Селиванновского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

ДОСТОЙНО ВСТРЕТИМ 15-й ОКТЯБРЬ!

Ленин в художественных произведениях

ГИХЛ издает к Октябрьской годовщине литературно-художественный сборник из произведений советских писателей и поэтов о Ленине. В сборнике будут помещены следующие произведения: М. Горький, «Владимир Ильич Ленин», А. Аросев «Недавние дни» (отрывок), рассказ П. Замойского «Письмо Ильичу», повесть П. Устюгова «Отцовская кровь». Кроме того в сборник войдут произведения поэтов о Ленине: В. Маяковского, Д. Бедного, А. Безыменского, А. Жарова, Н. Тихонова, И. Бехера, Ю. Инбер, Н. Полетаева, В. Казина и др. В специальном разделе «Беседы о Ленине» будут помещены: Л. Сейфуллина «Мужицкий сказ о Ленине», Ф. Березовский «Кержацкая легенда»; «Почему слепая любит счастливых» (узбекская легенда); «Ленин не умер—он жив» (пионеро-политическая сказка), «Скоро приедет Ильич» (детская сказка).

Писатели и поэты великому Октябрю

ГИХЛ выпускает к XV годовщине Октябрьской революции литературно-художественный сборник в 2 частях «Писатели и поэты Великому Октябрю».

В первой части сборника будут помещены произведения 22 советских писателей и поэтов: В. БАХМЕТЬЕВА, В. ВЕРЕСАЕВА, В. ГЕРАСИМОВОЙ, М. ГРОМОВА, МАГЗ ЗАЛКА, ВЕРЫ ИНБЕР, АННЫ КАРАВАЕВОЙ, М. КОЛОСОВА, Б. ЛЕВИНА, Л. ЛЕОНОВА, Н. ЛЯШКО, А. МИТРОФАНОВА, МОСКВИНА, Г. НИКИФОРОВА, Н. ОГНЕВА, Л. СЛАВИНА, А. СВИРСКОГО, В. СТАВСКОГО, СОСЛАНИ, К. ФИННА, БРУНО ЯСЕНСКОГО и М. ЭГАРТА.

Во второй части сборника будут помещены произведения писателей союзных республик и писателей нацменьшинств РСФСР. Сюда входят произведения (переведенные на русский язык) писателей Украины: М. БАЖАНА, И. КУЛИК, Л. ПЕРВОМАЙСКОГО, В. ПОЛЯЩУК, М. ТЕРЕЩЕНКО, П. ТЫЧИНА, П. УСЕНКО, ОСТАП ВИШНЯ, ПЕТРО ПАНЧ, Г. ЭПИК, писателей Азербайджана: М. МОШФИК, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, А. ФЕЗЗИ, БЕЮК-АГА-ТАЛЫБЛЫ, армянского писателя: Н. ЗАРЬЯН, писателей Таджикистана: ЛАХУТИ, С. АЙНИ, туркменского писателя: АРОЗ ТАШНАЗАРОВА.

Кроме того в этом сборнике будут помещены произведения 50 писателей нацменьшинств РСФСР: татарских, башкирских, чувашских, еврейских, польских, бурят-монгольских, якутских, цыганских, черкес-чеченских, писателей мордвы, марийцев и немецких советских писателей, проживающих в РСФСР.

Иностранные писатели об СССР

Сборник «Иностранные писатели об СССР», выпускаемый ГИХЛ к XV-летию Октября, окажется рад произведений иностранных писателей о Советском союзе за 15 лет его существования. Сборник выйдет с предисловием Максима Горького и вступительной статьей Карла Радека.

Этот большой сборник в 3 листа объемом имеет 18 разделов. Этот сборник дан разделом «За власть советов» — эти два раза будут показаны отрывками из произведений Джона Рида, А. Вильямса, Ф. Брайса.

Отдел «В годы фронтов и блокады» (1918-1921 годы) будет содержать прочие отдельные отрывки зарубежных писателей об СССР: Анатоль Франс (речь «Россия — отчизна, где обновится человеческое»), Бернард Шоу — «Будь, не лучше самого себя», Дуглас, Уэллс, как Ленин, не жалеет, Анри Барбюс — «Поход против мировой реакции», поход против «Советской», Н. Бехера, Марсель Мартина, Андре Мариа, Макс Бартель и др.

Третий раздел сборника «Первые шаги» включает статьи о Совете Советов И. Ольбрата, А. Голитцера, Г. Уэльса, А. Гольтермана и др., раздел «Голодный голод» называется Ф. Нансена «Шесть месяцев работы в Бухарине», Г. Гауптмана — Отцу Максиму Горькому, Анатоль Франс — «Привет по золотой Волге», А. Мориак, Ф. Инка, Ж. Шенневьер.

Затем идет раздел «Пятилетка», в нем будут помещены: Ромен Роллан «Пятилетка», Анри Барбюс «Пятилетка», Ромен Роллан «Пятилетка», Ромен Роллан «Пятилетка», Ромен Роллан

Трибуна писателей

Виктор Шкловский

СЮЖЕТ И ОБРАЗ

I.

Если писать о современниках, то количество знакомых, друзей быстро уменьшается и мир вокруг тебя пустеет, как буфет.

Писать о качестве сейчас как-то не принято, качество у всех самое хорошее.

— Говори про меня, что хочешь, — сказал мне раз ныне умерший великий поэт, — только не говори, что моя последняя книжка хуже, чем предшествующая.

А между тем ощущение самодовольства, ощущение сделанности—неправильное ощущение для поэта и прозаика. Вероятно, так и было всегда и всегда казалось, что литература не выходит, что идет литература под гору, а между тем рождался эпос.

Можно было бы подобрать примеры на каждый год, принести статьи из журналов, где рядом со стихами Фета, с романами Достоевского печатались статьи о неудачах.

Ощущение неудачи—в то же время ощущение молодое, хорошее. Так в юности кажется нам, что дальше будет лучше, еще лучше и еще интереснее.

Проходит год, и человек начинает беречь сделанное, жить с пренебрежением.

Я мечтаю о настоящей легкости, о пересмотре сделанного, о восстановлении ощущения, что наши литературные успехи впереди нас.

Мне говорил Хлебников, что надо работа, а не сделанное, что сделанное—это стружки.

Мне говорил Блок, что от меня первого услышал настоящий разговор о поэзии, профессиональный разговор, но то, что я говорю хотя и верно, то почему знать рано.

И мне хочется говорить о сегодняшней литературе, а не верю я, что это вредно, и даже не верю, что это опасно. А если расходятся мои пути с путями людей, о которых я пишу, то будем петь старую песню: «Прощайте те дорожки, по которым я ходил».

Когда начинают говорить о качестве литературы, то говорят:

— Вот напишите статью об эпитете.

Эпитет делает.

Эпитет существует и как будто не врет.

Или говорят:

— Напишите статью о языке.

Тут всякий понимает, язык должен быть хорошим.

Но такую статью писать не надо, хотя и возможно на момент обогатить какую-нибудь сторону вещи.

Даже в животноводстве есть, кажется, учение о взаимно связанных признаках.

В искусстве элементы, они в нем можно говорить об элементах, взаимно обусловлены, взаимно замкнуты и определяются одним процессом, хотя генетически, по происхождению, очень часто разнородны и разновременны.

Они определяются одним процессом, но изменяются в самом процессе. Литературное произведение, как кажется мне, всегда приступ и никогда не полный.

Движущие движущие силы, крутящий момент конструкции разрушает ее и побуждает к переодеванию.

Катанение рифмы, то, что называется образом, то, что называется сюжетом, находится внутри произведения, прямо в нем со своими традициями, перекликаясь в своем значении.

Когда Толстой начинал «Смерть Ивана Ильича» этим заглавием и описанием похорон, или когда Леонид Андреев в рассказе «Губернатор» говорил, что «губернатор за два дня до своей смерти», то они сначала одну из особенностей сюжета — его начальную неразрешенность и несущими частями конструкции становились другие части произведения.

Сколько борьбы было вокруг литературного языка, как боролись за то, чтобы не был он литературным, как разрушал его Толстой своими «что» и «холодный» в Достоевский своими повторениями.

Сейчас литературный язык опошлен и косноязычие Толстого стало языковым танцем Фадеева. А мужика Толстого ушла.

Образ, метафора. Про нее нужно спросить всегда: для чего образ?

Образ, сравнение — не единственный прием искусства и прием, чрезвычайно переключающийся, разнообразненный. Без сравнения писал Дюма. Толстой заменял сравнения своеобразной тональностью внешних героев, объяснениями их взаимоотношений.

Сейчас на Западе, освободив литературную речь от какой правильно грамматически построенной фразы, создают образ из новой логики следования понятий и на нового ракурса видения.

Образ не приближает, не объясняет предмет, но вносит в него дополнительные качества.

II

Ветхий черрем—неизвестно чей
Первый неудачный проект кита.
(Маяковский).

Роман Валентина Катаева «Время вперед» сделан так: вначале пропущено повышение и первая глава, которая по пушкинско-стерновской традиции перебивается в конце.

Вместе с ней как будто передвинута и основная коллизия романа. Борьба за скорость и аргументы против скорости, против упорения времени.

Борются два инженера. Но изобретенный Маргулиес побежал и справился о скорости в Москве, в ему протелефонировали статьи из газеты «За индустриализацию».

В этой статье, данной в романе, вопрос о качестве решен, решен опытом.

Второй раз решается этот же вопрос уже в самом романе. Качество цемента можно определить только через семь дней. Через семь дней раздавливают контрольные кубики и Маргулиес оказывается победителем. Но сюжетное напряжение уже снято. Узнает не читатель, узнает отрицательный герой, который за семь дней тоже мог бы прочесть газету.

Сильно построенный роман, быстрый роман, в котором время все время пересекает действие, как пути и поезда пересекают стройку. Роман сюжетно прост и сюжетно не напряжен. Роман раскрашен образами и прокомментирован цифрами.

Катаев насеял свой роман образами так, как Шура-художница обвешала стройку плакатами.

«Черепаху, клячу и велосипед окружал одинаковый ландшафт — фантастически яркие виноградники, ноноплинская трава, карликовый бамбук, красное утопическое солнце».

Но этот неправдоподобный пейзаж Шуры был ближе к делу, чем образы Катаева.

Катаев написал «Растратчиков» — роман легкий. Там люди, сорвавшиеся со своего места, не могли найти нового интересного места. Станция проститутка, которая преследовала их, как будто изображает неизбежную кукушку.

Они бегут по родной земле, в которой человек закоснеть.

Если бы не приключение с кинокатерами, которые, изображения старую жизнь, но пожелали разойтись, то роман рассказывал бы очень интересно, как внимательно живут люди. Приключение, хорошо придуманное, разрушает строение романа, но роман удачный.

«Время вперед» изображает людей внутри жизни.

«Растратчики» — это рыба на перекале. В эту блестящую поверхность нельзя вырвать.

Герои «Время вперед» живут внутри жизни.

Умение дышать в новом материале, новое умение. Для этого материала нужно иметь не жабры, а легкие. Но роман Катаева дышит кислородными подушками образов.

Большое неравенство сюжета, большая его нерасчленённость отсутствует. Роман движется старым умением автора.

Это строфика, заваленная образами.

В одном месте образ даже повесился, конечно, с разрешения Катаева.

Лучший образ в романе — это ветер, ветер, который сквозняками выдувает легкие портьеры в гостинице.

Но рядом американец, правда, американец-писатель, на заводском озере видит, что это не озеро, а кол-озера, что его рисунок отразим плотиной, и видит, что у купальщиков ноги, сокращенные преломлением воды и окрашенные водой, кажутся лягушачьими лапами.

Лягушачьи лапы сами по себе нам не нужны. Что они дают для американца?

Тепляк дан с освещением масштабом. В нем отступитель кажется тюбиком для зубной пасты. И это не то восприятие автора, не то восприятие прораба и десятника.

А дальше сбивается в масштабах домны и чернильницы Налбандов.

Это—инженерный инженер стройки. Он затаился в романе не ботинками, как Коленев, и не слово, как Маргулиес, а другой игрой. Он играет в большевика, который понимает и не дразнит старую культуру.

На самом деле он автор фразы «Строительство—не французская борьба». Он враг быстроты, он не решается на нее, хотя и хочет ее взять для славы. Но так она не берется, потому что это не французская борьба.

Не, может быть, его мало в романе, он не выдерживает того места, где он должен осуществить сюжет?

А сюжет осуществляют не все в романе.

Сюжет, как и образ, — не внешняя часть произведения, это не арматура, которая держится одним бетоном. Благодаря сюжету изменяется жизнеустроение внутри романа.

Сюжет подчиняет героя.

У Катаева несмотря на удвоение психологии героев, удвоение традиционного, герои не круглые, не способные к превращению, хотя собственный сын кулака рабочий-татарин и приобретает на стройку в решительный момент.

Герои не драматичны, поэтому образы не входят в роман.

У инженера Налбандова есть ошибка в масштабе, но нет колебаний. У него есть усталость, отказ от этого мира, нового мира, соединенного масштабами. Это имеет эмоциональный тон.

Но рядом тут же в романе даются образы, как будто потерянные из писательского кармана.

Катаев не верит в заинтересованность читателя прямым делом своего романа. Он усложняет психологию героев, у каждого второе дело.

Маргулиес построен на том, что он все время забывает шесть, вся его линия затоплена мыслью о котлете.

Коренев все время думает о чистоте своих покоцанных ботинок. Это много для Коренева, потому что у него на руках еще забота об уезжающей женщине.

Бригадир Ищенко, ценно перебирающий маленькими босыми ногами, круглый, хорошо поставленный в роман бригадир, закрепился в романе рождением ребенка.

Все герои привинты в романе двойным винтом так, как проявляется американская прозодежда со многими карманами.

А в карманах у них насыпаны цифры, сведения.

Роман одиграммлен, как будто художника Шура пропрыгала по роману после Катаева.

А между тем, или «в то время», как говорит в романе действительно живут два человека: Феня, которая поехала рожать к мужу, или, скорее, приехала закрепить свое положение в жизни рождением, и женщина, уезжающая от прораба.

Феня врывается в роман и на стройку умело, без образов, или с такими образами, которые нужны для нее. Она обгоняет стройку.

Клава уверяет, нацепляя межуплощадный балон отталкиваемый прыгающим шумом.

Поцелуя на упругий линолеум многоэтажного вагона с знакомым пассажиром и тяжелой сенсацией и дрожащим стеклом. Клава уезжает из романа также сравнительно.

Почти не видел выразителем Феня и Клавы — женщины здешней, магнитогорской, и женщины чужой.

Они и американцы, слева данный условно, не умаляющий условно, хотя и литературно, умирающий с некоторой опытностью, феня вторым — удача романа.

И есть в романе сын кулака и середняк, который перестраивается и совершенно соединяет вставленный клин, который читает дружные песни, изображая то враждебное окружение, в котором поставлено все строительство.

И середняк понимает (и читатель этому не удивляется) роль кулака и кулацкого сына. И сам кулацкий сын соединяет середняку, что он кулацкий сын, читая письмо. Середняк-колмен возражается на строительство, в сын кулака бежит с коробкой спичек—вот жечь.

Все это не сделано и все это в несделанном виде нужается в хорошем ветре, который выдул бы все это в этом виде в новом сюжете.

Литература вещь живая. Удачи и неудачи с ней неразличимы.

Ошибки или поступком Катаева является, что он сдал тему в лоб и имел в результате удачи не там, где их ждал.

Нашей общей судьбой является то, что Катаеву так трудно использовать свое старое умение сравнивать вещи и освещать их сопоставлениями в романе, написанном о живых, с образами которых не учила нас обращаться литературная традиция.

Конст. Большаков

О СОРЕ,

который, вопреки поговорке, всегда нужно выносить из избы

Во втором номере «Литературного наследства» за этот год в опубликованным Е. Усиевич «Забытым статьям Маяковского» приложены комментарии. На этих комментариях же без удивления узнал, что даже писавшиеся когда-то мною «письма в редакцию» теперь, девятнадцать лет спустя, стали фактами историко-литературного значения. Конечно, писемо в редакцию еще не тот жанр художественного творчества, на котором вырастают писатели, конечно, и пренебрегая любым другим жанром, кроме упомянутого, можно удостоиться упоминания историка литературы, но... кроме «писем в редакцию» я написал в своей жизни немало и другого, и если я только правильно понял комментаторов, то эти мои давние письма только потому и стали фактами историко-литературного значения, что автор их что-то сделал и делал в отечественной литературе. Удивляться, признаться, заставило не это, а отсутствие сложных и ограничительных предисловий.

В самом деле: мне 37 лет, девятнадцать лет назад вышла моя первая книга стихов, за ней последовали еще четыре. Как будто они не прошли бесследно, и не для меня только. Дальше—та лирическая стихия, которая вынесла на самый гребень волны поэзии, подступавшей и полступившей к сегодня, стихия, которая поставила и уложила в ангаре предреволюционной поэтической мысли, эта стихия не покинула и моей прозы. После революции, точнее, после моей двухбитвадцати в 1922 году, вышло одиннадцать книг, помеченных моим именем. Оставлю в стороне мелкие рассказы, ими не придется гордиться, к ним положил не пути наименьшего сопротивления, то, что проще и легче с любой стороны, скорее подлежит реализации.

Рассказы писались для жизни, для книги, не в рассказах дело. Но вот — романы, повести. Романы переиздаваались и переиздаются посейчас. Их, очевидно, читают, в кто-то, вероятно, пишется к ним. Романы неразрывно органически связаны с практикой моего эстетического прошлого. И... тем не менее, даже у меня должно было сложиться впечатление, что весь мой двадцатилетний литературный путь проделан слепцом, незаметно ни для кого, скрытно от всех.

Не только в «Большой советской энциклопедии», но даже в «Литературной», где добросовестно не забыты многие мои малые товарищи, фиксировки или литературно даже уже не существующие, нет ни строчки обо мне. Когда в позапрошлом году появился «Охраняя гранит» Настеринка, многие совершенно серьезно полагали, почему это мне так посвящены такие строки.

У меня нет сейчас под рукой «Символьма» А. Белого, поэтому я не решусь на память повторить хорошенькие им способы истребления писателя — критикой. Во всяком случае, то, что одним из таких методов по изысканиям Белого является бойкот, это я помню твердо. «Символизм», как известно, вышел в 1910 году. К сожалению, эти определения, кажется, сохраняют свою силу и поныне.

Последние десять лет работы никем, никогда и никак не оценивались. А оценка, только одна оценка, с моей точки зрения как раз тот минимум, на который вправе рассчитывать лицо начинающее писатель. Между тем то, чего в некоторых случаях мне указалось добиться в моем изобретательстве (термин употреблен совершенно намеренно), находило своих подражателей. По счастью, школы у меня нет — стыдеть приходится только за одного себя.

Доживая четвертый десяток и начиная третье десятилетие литературной работы, только очень наивный, очень малокультурный и очень неумный человек может снизойти относительно своего места, значения, удельного веса собственной одаренности. Гамбургский счет не решает только для людей, стоящих вне литературы. И, вероятно, потому что он абсолютно решает для всего, что не находится вне ее, я не могу ошибиться, не могу жаловаться на пренебрежение ко мне со стороны редакций, издательств и журналов. Контакт с читателем помогает поддерживать. Но этого мало.

Как непредставленный в никому неизвестный человек, я вхожу в собрание, я прислушиваю на какое-то время к себе внимание разговором. Разговор занятен, его слушают, а потом человек уходит, оставляя в недоумении относительно себя и своих целей собравшихся.

Я хочу, чтобы такой случайный успех мог стать реальной, настоящей вещой, за которой можно было бы строить работу. Это уже не приелекает — зависеть от неизвестности, неизвестность от того, удастся или не удастся сразу овладеть вниманием. И не хочу входить непредставленным, и мне надоело самому в тапомто вот разговоре представлять себя, знакомить с собою. Пусть это делает другие. Жалко было и усилий их было сохранить для разговора, как такового.

Впрочем, меня представляли. В прошлом году когда происходила недифференцированная порка всех подряд участников пресловутой «Большой Балахны», т. Немченко представляла меня как «определенно правого попутчика». Почему правого? Да еще определенно?

Перед этим последняя мои большая вещь вышла ровно за два года. В «Балахне» мне принадлежали, может, и не очень замечательные, но очерки, тельно очерки. Два неплохих листа. Разговор, который по краткости не может прозвать исключительного внимания к рассказчику. Но кому или по чему другому т. Немченко записала меня «определенно правым». Рецензенту «Литературной газеты» эти же очерки, когда они были перепечатаны в моей книжке «Похождение Дионна», показались фактами, как будто даже свидетельствующими о перестройке. Тимофеев в «Литературном посту» пошел еще дальше, чем Немченко. «Литературная газета», вступаясь за автора, рабилитировала последнее полгода дитя. И вот это это ковду закинуть литературность нечаянных листов, нельзя, даже двух, ибо даже в этом случае говорилось только о страницах, а не о книге.

Спасибо «между бойцов», А. Белый говорит, что использовался в такие средства: замалчивать, если нет основания ругать, все большое, неумеренно много говорить о несуществующем и мелком.

С первой крупной своей вещи я поставил себе задачу. Трудную, но не совсем неблагодарную.

Для социализма нужны и фотографии в искусстве, нужны большие, огромные полотна, отображающие героическую стройку наших дней. Разве мы все не стремимся запечатлить течение нашего времени на страницах наших романов и повестей. Разве не лестно и не волнует взяться за поиск перерождающегося, идущего к социализму человека? Но не стоит насиловать писателя: на фотографию только, если он может не только подметить, но и, обобщающее в своей действительности, поэзии и романтики, а напоминание действительности своих субъективных представлений о ней.

Правдивое изображение в образах реальной действительности в процессе ее развития можно условно назвать методом революционного реализма, и такого рода реализм включает в себя всю романтику действительности, не становясь от этого романтизмом.

Товарищу Рожкову, начинему свою статью с декларации, что вопрос о реализме и романтизме необходимо разрешать «теоретически исходя из Маркса и Ленина», не мешало бы кроме воспроизведения собственных прежних высказываний, а также основных (любимых) высказываний тов. Гефдера, подумать хотя бы заключенные в письме к мисс Харкнесс мысли о реализме такого «небожественного марксиста», как Энгельс. Энгельс высказывает там, например, такую мысль:

«То, что Бальзак был принужден итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего тогда, когда в это время их только можно было найти, это, я считаю, одной из величайших побед реализма, одной из замечательнейших особенностей старика Бальзака». (Кружка литературное наследство № 2, стр. 464).

Является это, по мнению т. Рожкова, некоторым указанием «какого лично в литературе имеет реализм или нет?

Нельзя ничего противопоставить реализм с материализмом романтизм с идеализмом. Это подходит к указанным нами выше грубым теоретическим и политическим ошибкам. Но должны мы или не предусматривать вопрос о том—какие из предшествующих нам литературных течений заключено в себе более элементов материализма и, сделав это, какое из них мы хотим использовать для нашего дальнейшего и окончательного преодоления и использования? Маркс, например, в обсуждении ошибки бывшего французского реализма, сделал критиковать предшественников не в каком-то, что они пытались в нем найдено разобраться, а лишь то, что лишь по-своему использовали элементы и лишь на теоретическое отношение к нему реализму за абсолютное выражение его.

Но подобным случаем нельзя ответить за нету об [illegible] реализма — абсолютно [illegible] т. Рожков. [illegible] буржуазной

А чем и это и делает в своей статье тов. Рожков

Современно ясно, что то, что подчеркивает в творчестве Толстого тов. Авербах, как «важное и нужное» современному писателю, это совсем не то, что подчеркивал в творчестве Толстого как положительную его сторону В. И. Ленин. Вся беда товарищей, обвиняющих реализм, понимаемый ими как метод Толстого, столбовой дорогой пролетарской литературы, состоит именно в том, что лишь [illegible] в стороне творчества Толстого «срывание всех и всяческих масок», как разоблачение лжи в фальши капиталистического общества, [illegible] с другой его стороны — [illegible] (их [illegible] мудрый [illegible]), «дуализм [illegible] учения пролетарских писателей [illegible] понимается ими не как [illegible] борьбы процессов и [illegible] материальных действительности, а как [illegible] «психики», как она есть (тов. Авербах), «уклонение перехода одного психологического состояния в другое», то есть соединялось, выдавалось за материализм как раз идеалистическая сторона буржуазного реализма. Это и привело, например, тов. Ермилова к совершенно чудовищному положению, что лишил возвращения между пролетарским писателем и писателем «пролетарствующим», то есть между писателем материалистом и писателем идеалистом, заключается не в признании либо непризнании первенства материи перед духом, сознанием, а в отношении писателя к подсознанию.

Как объект опыта рассматривался таким образом не реальный мир, а психика, ощущения субъекта.

С другой стороны, начало отождествления всякой романтики с идеализмом и не дало романтику никакого другого определения, как то, которое давалось буржуазными литературоведами, то есть исходя при определении писателя как романтика из чисто личных признаков, товарищи-начетчики выбрасывали за борт не только такого революционного романтика, как Шиллер, но и такую литературную «попутчика» Маркса и Энгельса, как Гейне, отрицали, как художника, такого великого писателя-революционера, как Чернышевский. Все это товарищи пытались обосновать ссылками на отношение к романтику классиков марксизма. Но при этом они упускали из виду, что в своих высказываниях по поводу таких Маркс и Энгельс имели в виду [illegible] конкретные [illegible], которые они относили как реакции [illegible] французской революции, что [illegible] образом, это [illegible] на [illegible] и Германии. Ни [illegible] [illegible] [illegible]

Н. Лянко

Гул социалистического труда

Рассказы Н. Ляшко

Новеллы Н. Ляшко, опубликованные в журнале «Октябрь»[1], не только свидетельство усиления интереса писателя к производственной тематике реконструктивного периода, но и дальнейший и решительный шаг в овладении рабочим-писателем коммунистической идеологией.

В творчестве Ляшко в прошлом были сильны элементы полумещанского, буржуазного характера («общечеловеческий» гуманизм). Гуманистические мотивы особенно ярко проявились в творчестве Ляшко в годы гражданской войны, в эпоху военного коммунизма («Вечер сгоревшего архива», «В 1918 году», «Вербна мать» и пр.). Естественно, что эти гуманистические мотивы находились в кричащем противоречии с действительностью пролетарской революции.

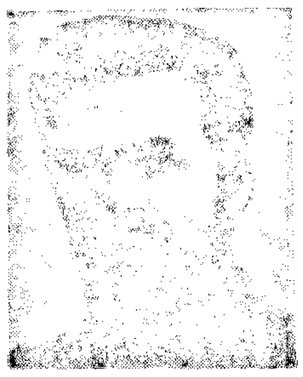
Правдивое художественно-убедительное изображение борьбы за восстановление разрушенного в годы гражданской войны завода, реалистическая картина показа распыленного гражданской войной и частично деклассированного пролетариата в повести «Домовая печь», свидетельствовали об окрепшем мастерстве писателя, а также о преодолении буржуазных влияний в творчестве Н. Ляшко. Выпущенная в последнее время книжка очерков «Звездной сети» показывает усиливающееся внимание писателя к тематике социалистического строительства. Рассказы, опубликованные в журнале «Октябрь», как бы продолжение линии, намеченной Н. Ляшко в «Звездной сети».

Мы имеем в виду рассказы: «Пахучий день», «Федор Шкруна о воде» и «Стряпка о весне и любви». Это — рассказы о нашей социалистической фабрике, о новом человеке, коренным образом меняющем отношения к товарищам по работе, к фабрике, к общественности, к вопросам любви; это — рассказы о росте социалистического сознания в рабочем классе.

Герои рассказов Ляшко — рабочие небольшой, по-видимому, московской кондитерской фабрики. Он изображает те слои пролетариата, где рост социалистического сознания развивается медленнее, нежели в других пролетарских слоях, где сильнее давит на них прошлое.

Тихон Прокофич («Пахучий день») — рабочий-карамельщик, принимает все меры к тому, чтобы клеить цех на профсоюз. Он теребит заводские организации, призывает за борьбу с прорывом отсталые массы рабочих. Он прекрасно чувствует связь своего участка работы не только с товарищами по заводу в своем цехе, но и работой мыловаров в мыловарнях нашей страны. Строящее социалистическое социалистическое общество Тихон-рассказчик Федор Шкруна («Федор Шкруна о воде») провозглашает все меры к тому, чтобы использовать в своем цеху отходы воды, содержащей до 20—30 проц. сахара и сахарозы. В Мариупольку Шкруна, предложение об использовании сахара на этой воды встречает большое и бюрократическое сопротивление со стороны и фабричного руководства, и товарищей, называющего на фабриче доклад. «И прямо скажу, — говорит о своих чувствах Шкруна, обращаясь к товарищу, — потому от воды этой в голове у меня гул так идет, будто в ушах».

Комсомолец Клим Фомичов («Стряпка о весне и любви»), подобранный комсомолку, каким образом меняет к ней свое отношение, когда выясняет, что любовь свою к нему она ставит выше комсомола и работы на фабрике, борющейся с прорывом.



Н. Ляшко

Рассказы, свидетельствующие об усилении рабочим-писателем коммунистической идеологии, показывают вместе с тем серьезные трудности художественного воплощения этих идей для Ляшко. Художественный уровень рассказов сильно в сравнении с прошлыми достижениями Н. Ляшко («Домовая печь» и др.). Эти рассказы бедные выразительными средствами, стилистически серые, формулы («пахучий» сказывает «Федор Шкруна о воде» — пожелал, подданал в форме сказа от первого лица, что особенно удается Н. Ляшко, вспомним хотя бы «Домовую печь»). В последней декларации «Старой Кузницы», опубликованной Н. Ляшко в прошлом году в журнале «На литературном посту», он призывал писателя в стилистическом плане делать упор на глагол («На языке действия упор, на движении, на глаголе»). Этой установке следует Ляшко в своих рассказах. Здесь в этом стремлении заострено ничего нет. Однако в рассказах пользование глаголом у автора настолько однообразно, что создает впечатление отсутствия остроты и бесцветности стилистических средств писателя.

«Оля бродим по набережной, сворачивали в гофейную, вежливо дымили зачем то кубинскими папиросами, пили вино и спели дымили. Тарелкы были теплые, товарищам по ячейке, говорим о парнях, о том, чем и кем они хотят быть, чему хочется и что мешает им учиться» («Стряпка о любви и весне»).

Недочетливые художественные воплощения идей заставляет автора прибегать к публицистическим средствам. Рисуя Тихона Прокофича как сознательного и передового рабочего, автор, чтобы показать социалистический характер его отношения к производству, вынужден прибегать к следующей риторической тираде: «В чем дело? Пусть беспрерывно спешит в летах карамель. Пусть тележки ходят за другим мешком на весы, с обычайным котлам, в заготовчую... Пишки заходят тут, и они подходят по стальному стальному спуску в нижний этаж, в эти дыры, а оттуда — вниз, грузовик в вагоны, в заводы — в города, в городки, в поселки и села республики».

Мировоззренческую перестройку, усиление коммунистической идеологии Н. Ляшко нужно закрепить художественными достижениями. Советский читатель вправе ожидать от Н. Ляшко новую «Домовую печь», возвышающую в реконструктивный период.

НЕПРОТИВЛЕНЧЕСТВО
под маской борьбы

Книга Н. Островского[1] посвящена классовой борьбе в деревне, тому ее периоду (1930 г.), когда начала осуществляться ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Нельзя сказать, что этот период, начавший новый период в истории эпоху непосредственной социалистической перестройки деревни, стирания граней между city и городом, получил достаточно широкое и тем более идейно-зрелое и высокохудожественное отображение в нашей молодой колхозной литературе. За эту, скажем прямо, неслыханную для него задачу взялся Н. Островский. Его большие претензии сказываются во всем: в его умении сложной сюжетной структуре и архитектонике «романа» и в — правда, невысокой и тривиальной — клавиатуре образов, и в попытке (совсем под Стендаля) «глубоко» и «объективно» вскрыть социальную анатомию своих героев. Однако низкая степень выучности и низкие литературные выкрутасы не могут заслонить в этой попытке произведения, которое великолепный автор посвящает колхозникам Новорежевского района.

Показав в эпу своих возможностей фигуру в фиуру описываемой местности, мелкую буржуазию своих героев, их телодвижения, автор «забыл» отобразить классовое, политическое лицо противников партийной линии в деревне, их соседников и врагов.

Не говоря уже о том, что кулачество в романе Островского ликвидировано почти начисто, прежде чем партия выбросила этот лозунг, единственный представитель его в романе — Буровцев — выглядит не как классовый враг, не как кулак, а как нижегородский мужик-середняк и кулацкий. Он заранее и наперед изображен, до самого конца романа он противостоит сплоченной деревенской бедноте как враждебная, не опирающийся ни на какие силы и силы. Так закучорив Буровцева, вывели его последним и единственным из могикан, Островский всю эту «классовую» практику и деятельность перекладывает в план места — непосредственно обиженной — победившим колхозникам. Весь по видимости драматический, но по сути несложный сюжетный узел завязывается вокруг отчуждения душной земли у Буровцева и перевода его на худшую. Это отчуждение, как увидим позже, ложное и перешительное, толкает Буровцева на бессмысленную и нелепую месть (см., изгр. отрывание). Изобразить даже самых контрреволюционных кулаков только и исключительно в роли уголовных преступников и террористов — значит сложнейшую и очень тонкую борьбу наших врагов подменить наивным следопытством и прямолинейно, стирающим и искажающим подлинное идейное существо и смысл борьбы с кулачеством и его ликвидации.

Самое поверхностное заключается, однако, в том, что несмотря на то, что борьба Буровцева в такой степени изукрашена и обижена (мало чего, что он травит Екатерину, он оставляет еще на месте происшествия свою палку, а на месте поджога — контрреволюционное письмо прелетевшим сыну), — Буровцев в романе не только не разоблачается массой колхозников, не только не получает заслуженной кары (старательно убирается его от пожаловки, автор шлет ему в принципе ужаса и страха показывать с собой), но в окружении только сочувствием как раз со стороны тех, против кого борьба его была направлена.

Слышны, правда, вопли и угрозы, ропот и возмущение, потрясает, правда, кулаками, и враждебные действия Буровцева классового противодействия не вызывают — факт особенно симптоматичный, если вспомнить, что большинство Кулина с исключительно достойной лучшего применения, настоящего и прекрасно раскрывается в ОПУ как контрреволюционер, на основании одного только осмотра.

Любопытна фигура Василия Вихрова, по определению автора «вожака обновленных морей». Единственный на селе коммунист, председатель колхоза, непосредственно ощущающий удары классового врага и его месть, Вихров, сказала до конца проходит в романе как растерянный хлопик и кулак, как сентиментальный исполнитель гуманизма, неспособный осмыслить классовое существо врага, сразиться с ним, сразить его. Даже когда он решается на крутые обстановкой смелые шаги, его обуревает «милая мешанина». Решено, скажем, перевести старика Буровцева на соки. «Уж более классового подхода, — размышляет Вихров, — продумать нельзя», но голубиная кротость и жалость, по вегетарианскому пыка вступает в свои права.

«А где же человеческое, жизненное? Правда-то где жа?», шепчет Вихров в волнении.

Если добавить к этому, что на террористические акты Буровцева Вихров отвечает плоскостным резонерством и полным нимим, что он с неприкрытой злобой и злобой смотрит на кулачка Петра, для того было вступившего в партию, чтобы достигнуть на председательское место Василия в колхозе, обиды этого «вожака» будет достаточно для идейной трансформации в обновленного Брусилова.

«Почему нельзя поступить так же, как и моя Воронуха?»

Плохую услугу оказали автору и читателю ГИХЛ и его отвлекательный редактор своего непротивленческого издания этой ненужной книги.

Р. ВИКТОРОВ

[1] Н. Островский, «Крест» («Новинки пролетарско - колхозной литературы»), ГИХЛ, 1931, стр. 148, 10.000 экз., 1 р. 30 коп.

О СТИХАХ
А. Миняха

«Лицо профессии» — первая книга стихов Ал. Миняха, до сего времени печатавшего свои вещи в периодических изданиях (преимущественно московских и ленинградских газетах и журналах). Стихи обнимают отдается к 1927—1930 гг.

Прежде всего нужно отметить, что стихи Миняха, отличаются одним весьма важным и ценным свойством — культурой формы, свидетельствующей о наличии дарования поэта и о серьезном отношении поэта к своему труду.

Конечно, Минях далеко не определившийся в формальном отношении поэт. Книга показывает, что он идет через преодоление акмеистической «вещности» формы через преодоление регулярных эстетизаторства и формальной «игры» (см. «Мистификатор у Мистификаторов», «Торжество быстроты»), но что поэт идет именно на высвобождение своего стиха от «избыточного» груза изящной формализма, акмеизма, — это несомненно. Также значимы сдержанные, формально «спокойные» стихи, как, например, стихи цикла «Сегодня в полях» (1930 г.), «С третьей сменой», или «Рассказ о великой обороне колхоза» и частично «Герой в отпуску» — являются подтверждением наших наблюдений за тенденцией роста самостоятельности поэта в формальном отношении.

Книга стихов Миняха позволяет вам выявить и другие особенности развития поэта. Наиболее удачные вещи — только что указанные нами (можно еще назвать «Сегодня», «Встречу дома с врагом и врачом») — отличаются своей тематической сопутанностью с современностью.

Но современная тема еще не вполне определяет художественное и общественное значение произведения. Так, например, вступительные к сборнику стихотворения: «Обновление романтиков», «Искусство» и «Говорит ударник» несмотря на актуальность тем (обращение к поэтам, сопротивляющимся эпохе, о задачах искусства в наше время и об ударнике, признанном в литературу) — явно неудачные стихи Миняха, поскольку поэт не подняв этих тем на должную идейно-политическую высоту и наговорил ряд трескучие-декламационных пустот и посредственностей. Например:

«Гребите же, весла ударных бригад!
Отчаливайте же в плавание, трамы!
Ваш утренний ветер оковом богат,
И приказан парус упрямый».
(«Искусство»).

Или неудобоваримое разговорное ударника («Говорит ударник»). Тематика должна быть обеспечена определенным мировоззренческим уровнем писателя. Цикл стихов «Сегодня в полях» выгодно отличается как раз этим соответствием темы, идейно-политических воззрений поэта и хорошими средствами выразительной формы. Нам и думается, что путь роста поэта пойдет (и должен пойти) по линии освобождения поэта от элементов интеллектуалистического, надуманного «идеологизма», которыми богат особенно цикл стихов «Утро перед работой». Пусть поэт дал в этом цикле стихов много ярких, талантливых, острых наблюдений, доказав еще раз наличие одаренности, но что толку в целом этот цикл о «боге чувствах», как не абстрактное умничанье о «робинзонаде» — непосредственных, «первоначальных» ощущениях пробуждающегося от сна человека, в сознании мающего «единственный мир», свободного от вторичного «себя»? «Философия» этих поэтических и «психо-физиологических» экспериментов менее чем странна, в лучшей степени — это наивность экспериментатора, а объективно — поэт не обошелся здесь без услуг идеализма.

Поэту нужно проделать над собой большую работу. Критика, пролетарская среда писательских организаций должны своевременно помочь молодому поэту.

В заключение мы обязаны вспомнить о весьма ценном документе, автором которого был А. Сурков (статья в «Лит. газете» от 17 февраля 1932 г. и затем в «НЛВ»). В этой статье А. Сурков, ставший в ряд грозного предостерегателя рапповского лозунга «союзник или враг», обратился на Миняха и «стер» его в порошок.

Дело Сурова — признавать или не признавать положительные качества стихов поэта Миняха. Но есть предел вкусовым «капризам» любого критика, хотя бы последний и был к тому же поэтом, а тем более такое полного осуждения «метод» зубодробительной злой критики, какую позволил себе по адресу Миняха А. Сурков. Мировоззренческая критика не пощадила даже прежнюю ныне неумелые стихи Миняха, несколько неудачные стихи Миняха, несколько неумелые стихи Миняха, несколько не подняв этих тем на должную идейно-политическую высоту и наговорил ряд трескучие-декламационных пустот и посредственностей. Например:

Вливайся, сонь поседший...
Что и том, Россия, тебе!
Пробудя, сонливой и бедной—
Вернем своей судьбе.
Лицо тебе побежденной
Поднятый и в пыли.
Таинственно заключенной
В 3 каменной земли...
...Так терпие пылает
Когда, сонная по ночам,
Внезапно хочет плачет
Тебе по плечам плачем.

Зачем Дуров и на прежних непротивленцев зду зам сверкнем. Но что произошло с Ваншенком, когда наш друг с не с рукописью пирога? Начиная с 1917 года, стихи Ваншенка приобретают сильную силу воздействия. Эстетизм последней революции пропадает. Изящные в свое время стихи его, выполненные в К.Б. году, новой эпохе стихами «Гражданина» и «Рассвета» — «Ты, Россия, — Ты — Ты — Ты

На фабриках книги

■ В издательстве «Академия» вышли из печати: Лев Толстой — рассказы о животных (книга для детей), В. Вересаев «Пушкин в жизни» — систематический свод подлинных свидетельств современников — с рисунком футляра на книгу работы художника И. Ф. Рерберга.

■ В серии сборников широкой литературы вышла книга греческого писателя-новеллиста средних веков Гелиодора «Эфиопика» с вступительной статьей, переводом с греческого, примечаниями и под редакцией А. Кузина. Оформление книги художника Д. И. Митрохина.

(Роман римлянина Гелиодора был особенно популярен в XVI и XVII веках. На него ссылались Шекспир, на заимствования Сервантес. В этой же серии вышли из печати «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (перевод А. Франковского, вступительная статья А. Реизова, предисловие П. С. Юдина. Иллюстрации художника Ж. Гранвиля).

■ «Письма Александра Блока к родным» (тома 2-й, с предисловием В. Десятского и примечаниями М. А. Бекетовой).

■ В течение августа-октября в издательстве «Академия» выйдут следующие книги: Н. Г. Чернышевский — «Дневник ОТ ОТДАЧИ» (перевод Габричевского), Бальзак-Чернышевский «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», Вирджил «Буколики и георгики» (перевод и редакция С. В. Шервинского) и «Энеиды» (в переводе В. Брюсова и Сосновского), Сильвестр Петрарка «Письма из Италии», Вазари «Жизнеописание художников» (две книги под редакцией А. Эфроса), «Арабские сказки» (под редакцией Фроссиар), Гейне «Баллады и думы» (т. 2-й и 3 том), Бонна «Трагедии» (в переводе Бодоньева, редакция и вступительная статья Дерпгольц), Аладовский «Русская сказка». Кроме этих «Академия» переиздает «Мертвые души» (т. 2-й и 3 том) и выпускает в свет IV и V тома.

■ В ГИХЛ вышли из печати из серии поэтов — В. Брюсов «Избранные стихи», по серии «Творчество народов СССР» книга стихов А. Зенкова «Время гулять» на эрзя-мордовском языке, И. Бельского «Обманные кукушонки» — на цыганском языке, по серии «Поэтика иностранной революционной литературы» вышла книга М. Кагана «Эмиль Верхарн».

■ В секторе иностранной художественной литературы ГИХЛ вышел роман Сегар Валлеро «Вольфрам» — перевод с испанского В. Кочетова с предисловием Ф. Кельина. Сегар Валлеро принадлежит к числу оригинальных писателей современной мексиканской литературы. Он принимает активное участие в революционном движении своей страны и дважды был заключен в тюрьму. Валлеро неоднократно приезжал в СССР. Роман Валлеро «Вольфрам» делается крупным событием в жизни латиноамериканской художественной прозы.

По серии «ЮКАФ» в ГИХЛ вышла повесть А. Кариова «Ромб».

По серии «Литературоведение и критика» в ГИХЛ вышел сборник статей по литературным вопросам М. Добужинского. Разные книги: «Как я стал литератором», «В годы после первой революции» (приключения эстетики школ против М. Горького, статьи о Ф. Сологубе, Л. Андрееве, Куприне и Арцыбашеве, «Лермонтов» В. Гаршина, «Лермонтов» Ф. Достоевского, «Вопросы поэтики» Анненского, «Поэзия Тютчева» Тынянова, статьи о Вяземском, Пушкине, «Лермонтов» Ю. Тынянова, «Гоголь» Гиппиус, «Лермонтов» В. Шкловского и х. д.), «Литературное наследство» статьи о Салтыкове-Щедрине, Некрасове, Толстом, Чехове, Овсянико-Куликовском, «Вопросы поэтики» Аблова (печать и либералы, кто с кем, что такое кадетский конституционалист?).

■ В августе в ГИХЛ выходит — по школьной библиотеке классиков: ПУШКИН — «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», ЧЕХОВ — «ВИШНЕВЫЙ САД», стихотворения ПУШКИНА, ГОГОЛЬ — «РЕВИЗОР». По школьной библиотеке современных писателей выходят: А. ОВИЧСКИЙ — «История моей жизни», Д. ФУРМАНОВ — «Красный десант». По серии современной русской литературы: Л. СЕЙФУЛИНА — «ТОВАРИЩ ВОЛКЕР», И. ЛАПИНО — «ДА ЖЕЛЕЗНОЙ ПУЛЕ», ПРАВДИН — «ЖЕЛЕЗНАЯ ГРОЗА», ПЛАТОНОВ — «СТЕПЬ», В. ВИНИКОВ — «ВЕТУЩАЯ ОСЬ», роман ЮРИНА «ЛОГОГОВО», ГАТУЕВ — «ОСАДА ПЕЙФУТАЗ», К. ЮРИЛЬКОВ — «БЕГСТВО ПЛЕННЫХ», ЕРОФЕЕВИЧ — «МАРАЗЛЯ». По сектору поэзии, XVII и XVIII тома сочинений ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, VI том сочинений ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО, УИТМЕН — «ЛИСТЬЯ ТРАВЫ», сборник киргизско-казацкие песни. По серии иностранной художественной литературы: ПЕЙГАНИ — «ЗАПРЕТНЫЕ ПЕТЛИНКИ», В. БРЕСЛЕЙ — «ЛУНА РОЗИНОФ», БАРИКОФ «РЕЛЕВОЕ РОЧЛЕ», ЭЛЮЭ — «МОЙ СКЕЛЕТ СПЕЛ». По серии «Творчество народов СССР»: М. ГОРЬКИЙ — «МОЙ УНИВЕРСИТЕТЫ», КУЛЬМИН — «КРЫЛЬЯ», БАБИЦКАЯ — «ЮЛИЯ КРАСНОГО ФРОНТА», Н. ТИХОНОВ — «РАССКАЗ О КАПЕЛЛАХ», В. КИРИЛЛИН сборник стихов, ЛАПИ — «КИРИЧИ И ЗАЛЫ». По серии «Литературоведение и критика» ГИХЛ выпускает из печати: Н. КИРИЧЕНКО — «О ЛЕОНОВЕ» и в ценной библиотеке ОГИЗ роман КЕЛЛЕРМАНА — «ТУННЕЛЬ». Кроме того в августе выходят по описям издания: ЧЕХОВ — X том и Л. ТОЛСТОЙ — XI том.

■ В МОСКОВСКОМ ТОВАРИЩЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ вышли из печати рассказы А. ЯКОВЛЕВА — «СЕЛЕР», А. МАЛЫШКИН — «НАЧАЛИЕ ДНЕПРА» (VI издание), Л. СЕБОУЛИНА — «ПОРАНЕНОЕ», очерки В. КОЖИНА «ПОБЕТ ПУТЬЮ», В августе-сентябре в МТП выходят: иллюстрированная сказка А. ПОРШОЛ-ПРИКОЛ «БЕГСТВО» (фасимиле из иллюстрациями художника В. Милашевского), ПИ. КАТАЕВ «ЕРЕШИ» (3-е издание) с иллюстрациями художника Д. Дарана, повесть Л. СТОЛОВА «ГОЛУБАЯ КОСТЬ» с иллюстрациями Эльконина, роман Н. НИЗОМОВА «СТАЛЬ», сборник рассказов Г. ТАРОВАТИ «ЧЕРНОМОРЬЕ», повесть М. БУЕНОВА «ГРЕМЯЩАЯ ГОРА», роман В. КУЛЕМОВА «ВЗРЫВ» и рассказы С. ЛЕВИНА «Линия горизонта», П. ШАХТЕР — «УГОЛЬ», В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — «ГОЛЫ», А. МАЧИКОВ — «СЕМЬ РЕСПУБЛИК» (антология поэзии народов СССР).

■ В течение двух ближайших месяцев МТП переиздает следующие произведения советских писателей: П. НИЛОВОЙ — роман «ОКЕАН», АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ — повести и рассказы, рассказы А. СИВЕРСКОГО РАЗУМНИЧ, повесть М. ГРОМОВА «А ЗА ГРЕЧАНЫ», Л. ГАРИНА «ЭЛЬМАНДЖАРЫ» (книга о гражданской войне).

■ В издательстве «ФЕДЕРАЦИЯ» вышли из печати: книга стихов Б. ПАСТЕРНАКА «ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ», К. ЛОХОВА «ЗАПИТОК ЗЕРНО», очерки ТРОЦКОВА и ТАРАРОВА «РАСКАЗ О СВИНЬЕ».

«Федерация» переиздает следующие книги: ИВ. ПАУКОВ «ПРЕДАНИЕ» (массовое издание), ИВ. ЕЛИСЕЕВ «ЗОЛОТОЙ ГУСЬ» (сборник рассказов), В. СТАВСКИЙ «СЕЛЬСКОЕ СЧАСТЬЕ», К. ПЕРМИТИН «КАЛИАЛ», К. БОЛЬШАКОВ «СЕРОЧКА».

Готовится к печати: ИЛЬФ и ПЕТРОВ «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» (переиздание с рисунками КУКРЫНИКСОВ) и «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК» с рисунками К. РОТОВА.

Писатель и радио

■ Михаил Кольцов ведет для литературно-художественного вещания большую тематику «Фельетон».

■ Ев. Зозуля до миниатюр рассказ «Обыкновенный рассказ».

■ А. Гатовым написана радиопьеса «Гитлер» — о героической борьбе парижских коммунаров.

■ Рад. Фокин написал радиопьесу «Ковер» — для местного вещания — кодовых объектов комитетов радиовещания, радиоузлов и клубов.

■ Н. Асеев написал ораторию «Оборона».

■ М. Светлов написал радиопьесу «Уголь» — «Комсомол».

■ Ник. Адуев написал радиопьесу «Жонглер».

■ Н. Адуев закончил радиопьесу «Жонглер».

Смотр самодеятельного театра

Театральный сезон 1931 года открыта Октябрьская революция. Первый исторический спектакль самодеятельного искусства.

Величественный и величественный рост самодеятельного искусства, время показательных которого прошлое элементарно, обязывает пересмотреть общественно-политическую и производственную активность работников театра нашей страны. И здесь особенно существенно роль отличия тенденций агитпропистов, уменьшившая было в результате сектантствующей линии старого профсоюзного руководства. Коллективы самодеятельного искусства активно участвуют в общеполитической жизни страны и в производственной жизни своих предприятий, работая над актуальной тематикой и развернув широкую общественную деятельность.

Олимпиада показала также огромный рост различных национальных отраслей самодеятельного искусства. При этом раз их обнаруживает исключительно яркие достижения. Таково, например, появление агитпробригада бакинских рабочих метро-трамвая, в своей работе на деле «упостыдившая принципы искусства сегодняшнего по содержанию и идеологическому по форме, или китайский театр».

Тем не менее успехи, достигнутые нашим самодеятельным театром, являются еще далеко недостаточными, и недаром президиум ЦСПС отметил, что музыкальные коллективы стоят на более низкой ступени, лежевы коллективы предприятий. Наблюдается разная между передовыми организациями самодеятельного театра, как, например, драма — московский центральный и его ленинская группа «Колонне линкс», китайский (Владивосток), колхозный (Северный Кавказ), профессионализирующие коллективы «Стройка» (Ленинград) и «Достройка» (Москва), грузинский концертный театр (Тифлис), агитпр. фрагмент — уже упомянутая тракторная, рабочая, два женских хора, такая и хорошая вокальная и хореографическая и прекрасные другие, но многие лучшие коллективы, скрывающие среди своих членов большой.

Основная причина слабости самодеятельного театра заключается прежде всего в крайней неудовлетворительности репертуара. Толчками большинства лучшие коллективы чуть не гибнут уже. Между отдельными коллективами и репертуаром пишут мы малочисленные жалобы на борьбу за пьесы, которые они предлагают, как будто у работников — [illegible] — [illegible] — [illegible]